

Чухлеб Сергей Никитович

НИЦШЕ И XX ВЕК

Статья содержит анализ личности и творчества Ф. Ницше на фоне культурных и социальных процессов XX века. Рассматривается связь ницшеанства и фашизма в контексте их общих романтических истоков. Демонстрируется, что и ницшеанство, и национал-социализм являются радикальными версиями немецкого романтизма. Прослеживаются общее влияние ницшеанства на философию XX века и его вклад в дело разрушения абсолютистских культурных и философских схем. Ницшеанский абсолютизм выступает как парадоксальная предпосылка релятивизма XX века.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/4-1/59.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 4(66): в 2-х ч. Ч. 1. С. 218-222. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

**PHENOMENON OF UNCANNY: EXPERIENCE
OF PHILOSOPHICAL REFLECTION BY FREUD AND HEIDEGGER**

Chesnokova Lesya Vladimirovna
Omsk State Pedagogical University
L.Tchesnokova@mail.ru

The article deals with the phenomenon of uncanny in psychoanalysis (Freud) and existentialism (Heidegger). Home is of primary importance in culture as a space, which marks boundaries between one's own and someone else's worlds. The largest fear is caused by the blurring of these boundaries. This factor is connected with the phenomenon of uncanny in psychoanalysis as one's own initially but as a result of exclusion it becomes someone else's and dangerous. This topic was continued in existentialism, where a human is comprehended as a creature thrown out into the indifferent world and only in the homelessness of existential fear he/her comes to him(her)self.

Key words and phrases: uncanny / *das Unheimliche*; home / *Heim*; existential homelessness; existential fear / *Angst*; secret / *heimlich*; German culture; existentialism; psychoanalysis.

УДК 130.2

Философские науки

Статья содержит анализ личности и творчества Ф. Ницше на фоне культурных и социальных процессов XX века. Рассматривается связь ницшеанства и фашизма в контексте их общих романтических истоков. Демонстрируется, что и ницшеанство, и национал-социализм являются радикальными версиями немецкого романтизма. Прослеживаются общее влияние ницшеанства на философию XX века и его вклад в дело разрушения абсолютистских культурных и философских схем. Ницшеанский абсолютизм выступает как парадоксальная предпосылка релятивизма XX века.

Ключевые слова и фразы: ницшеанство; культура; романтизм; философия; этика; экзистенциальная философия; христианство; абсолютизм; аристократия; фашизм; национал-социализм; интеллигенция; модернизация; философский релятивизм.

Чухлеб Сергей Никитович, к. филос. н.
Российская академия музыки имени Гнесиных
chuhlebsn@mail.ru

НИЦШЕ И XX ВЕК

Эта статья является своеобразным продолжением ранее опубликованной работы «Ницше и XIX век» [23, с. 204-210]. К сожалению, ограниченный рамками небольшой статьи, я могу рассмотреть лишь некоторые аспекты такой сложной темы, как ницшеанство и его социокультурный контекст.

Начало XX века ознаменовалось оглушительным успехом ницшеанства. Эта философия, пожалуй, стала первой «массовой философией» Новейшего времени [3; 4; 10; 14; 22]. Естественно, речь идет не о широких массах. «Массовой философией» ницшеанство стало в среде интеллигенции. Обыватель, то есть человек, не приобщенный серьезно к «виртуальной» текстовой реальности, в своем бытии подобен животному – ест, пьет, размножается и работает, чтобы получить ко всему этому средства. Интеллигент же, приобщившись к высоким смыслам культуры, являет начатки самосознания и рефлексии. Задаваясь вопросами об окружающем мире и смысле бытия, он не может не пытаться осознать и самого себя.

XX век впервые стал производить интеллигенцию в массовом порядке – индустриальное городское общество, основанное на массовом машинном производстве, массовом потреблении и массовом развлечении, нуждается в огромной массе образованных людей [2, с. 191-202, 206-213; 7, с. 340-365; 8, с. 560-588; 11, с. 164]. Эти люди в большинстве своем не могут получить изысканного элитарного образования и воспитания. Да это и не нужно им – их интеллектуальные функции вполне обеспечиваются достаточно типичным образованием.

Таким образом, эти люди осваивают лишь простейшие элементы теоретической культуры. «Нация», «справедливость», «государственность», «Бог», «милосердие» – вот почти полный перечень простейших идей, из которого эти люди выхватывают что-то одно и делают стержнем своего мировоззрения. Одни помешаны на идее величия собственной нации, другие борются за социальную справедливость, третьи жаждут жесткого государственного порядка, четвертые спасают дикарей или зверушек и т.д. Нельзя сказать, что все эти виды «борьбы» бесполезны. В них есть своя польза и свое благо. Но от этого эти идеи не становятся сложными или изысканными.

Есть среди этих идей и идея «силы». Чаще всего она привязывается к личному нарциссизму мыслящего человека и формируется в особый комплекс собственного величия и превосходства. В XX веке, в эпоху расцвета индивидуализма, таких нарциссов среди интеллигенции становится особенно много. Культура

по определению создается людьми, и прежде всего великими людьми. И каждый, кто основательно приобщается к культурным достижениям, в первую очередь знакомится с великими творцами культуры. С них учителя предлагают брать пример, по их пути идти. Таким образом, процесс формирования «интеллигентного человека» уже сам по себе способствует формированию нарциссизма. Так как в качестве примера для подражания берутся гении, то самоопределение, самоидентификация формирующейся личности осуществляется через возвышение над окружающими. С юношеских лет нарцисс с очевидностью знает, что он превосходит окружающих во всем. Он – Монблан и Эверест среди болота мелких, незначительных людишек. Это ощущение нарцисс сохраняет всю жизнь, но ему не хватает «философских» слов, чтобы обосновать эту свою очевидность. Когда такой человек знакомится с творчеством Ницше, то все встает на свои места: «Вот же! Великий человек все правильно разяснил! Есть сильные и слабые люди. Сильные должны господствовать, а слабые – подчиняться и служить. Дорогу сильному человеку!».

Нарцисс считает, что заслуживает особого поля для воплощения своих исключительных качеств. И наиболее благодатное поприще для него – политика. Здесь он обретает надежды на неимоверный взлет и вождьленную демонстрацию собственного величия. Фашистская идеология и практика для таких людей идеальны. Фашизм сам по себе является комплексом идей, порожденных раздувшимся нарциссизмом нации [21, т. 1, с. 151-179, т. 2, с. 254-274; 25, с. 108-147]. Неудивительно, что именно здесь счастливо встречаются нарциссизм нации и нарциссизм индивида.

Идеи Ницше были с восторгом приняты фашистами. Вожди Третьего рейха всячески подчеркивали преемственность ницшеанства и фашизма. Они демонстративно выражали почтение памяти великого философа и объявляли себя ницшеанцами. Адольф Гитлер неоднократно посещал музей Ницше в Веймаре и даже получил от сестры Ницше Элизабет Ферстер-Ницше в качестве подарка трость, которой пользовался философ.

Преступления и крах фашизма дискредитировали и ницшеанство. Но вскоре философы и просвещенная публика реабилитировали память философа, заявив, что Ницше никогда бы не одобрил и не принял фашизм. Это правда. Ницше недолго любил «серое холодное чудовище» – государство – и избегал каких-либо дел с ним. (Впрочем, не все так просто. Судя по всему, философ планировал в конце своей сознательной жизни мощные политические акции под флагом ницшеанства. Книга «Воля к власти», по замыслу Ницше, должна была наконец взорвать существующий порядок: «“Переоценка ценностей” станет беспрецедентным событием, не только событием литературным, но событием, которое потрясет установленный порядок» [Цит. по: 14, с. 588]. Похоже, Ницше собирается лично возглавить грядущую философско-политическую революцию: «Переоценка всех ценностей – вот моя формула для акта высшего самоосмысления человечества... “Переоценка” должна выйти на двух языках. Хорошо бы поначалу создать ассоциации, которые в нужный момент предоставят в мое распоряжение последователей. Прежде всего на мою сторону должны встать все офицеры и еврей-банкиры: и те, и другие воплощают волю к власти» [Цит. по: Там же].)

Но эти идеи посетили философа в тот момент, когда он был на грани безумия. Кажется, до этого он не проявлял желаний окунуться в политику и государственную деятельность. Его привлекали сильные люди, создающие государство, но отталкивала суммарная мощь организованной в государство толпы. Он неоднократно подчеркивал, что сильному человеку претит толпа. Сильные люди с трудом переносят общество себе подобных – им тесно в одном пространстве. В толпу собираются лишь слабые – в ней они надеются обрести чувство локтя и ощущение силы и безопасности. Если бы философ дожил до времени торжества фашизма, то, возможно, выглянув в окно и увидев там марширующие, дико орущие колонны фашистов, он бы спросил: «Кого хотят обмануть эти слабые люди, которые, собравшись в толпу, так неуклюже изображают силу и мощь?!».

Все это правда, но...

Когда Гамлет спросил могильщика, на какой же почве принц датский Гамлет сошел с ума, то получил простой, но многозначительный ответ: «Да все на той же, на нашей датской» (акт V, сцена 1) [24]. То же и в случае с ницшеанством и фашизмом. И та и другая идеология возникли и выросли на германской почве. И их связь друг с другом имеет генетический характер – они произрастают из одного корня [18, с. 135-142].

Начнем с того, что и ницшеанство, и фашизм есть плоды немецкого романтизма. Характерные черты романтизма – идеализация прошлого, архаического; идеализация классической религии (на Западе – католицизма); воспевание порыва, страсти, чувств; скепсис по отношению к рациональному, научному, техническому; сакрализация исторической «почвы», из которой произрастает индивидуальная и национальная духовность; культ природы и единение человека с ней; проповедь всего естественного и неиспорченного цивилизацией (восхищение дикарем и архаическим человеком); культ героя и великого человека; болезненная любовь ко всему трагическому и «надрывному»; возвышенное, волюнтаристское отрицание реальности, запятнанной повседневными заботами, прагматизмом, расчетом [19, с. 310-335].

Все эти черты в немецком романтизме получили гипертрофированное развитие. В XIX веке Германия по своему социальному состоянию очень сильно напоминала современные модернизирующиеся страны. Ее социально-экономическая структура в своей основе оставалась по-прежнему отсталой, но немцы имели возможность приобщаться к новейшим культурным достижениям «модернизированного» Запада. Эти западные новации попадали на затхлую почву немецкой «архаической» культуры и давали здесь совершенно неожиданные победы. Активность немцев, не имеющая возможности для реализации в бизнесе и демократической политике (за отсутствием или неразвитостью таковых), преимущественно воплощалась в духовной сфере и взращивала там изысканные, гипертрофированные романтические цветы.

Сами немцы прекрасно чувствовали этот контраст между германской духовностью и западной цивилизацией. И именно в этих терминах они обозначали этот социальный и временной разрыв с соседями. И они гордились своей изысканной, «непрактичной» духовностью, противопоставляя ее коммерческому прагматизму Запада.

«В. Зомбарт весьма скептически оценивал деловые способности того поколения немцев, которое жило в стране сразу же после наполеоновских войн. “Люди того времени, – отмечал он, – совершенно отвернулись от внешнего мира, казавшегося им призрачным, и создали внутри себя мир идей; они презирали всё, что отсылалось материальностью...”. Данное поколение, по мнению Зомбарта, “мало способствовало непосредственному развитию капиталистического духа”... Изгнание Наполеона и наступление реакции уводили немцев из сферы политики, сосредоточивая внимание на углубленном и отвлеченном размышлении, на построении философских схем. Бизнес же не попадал в сферу интересов данного поколения. Германия пробуждалась, но пробуждение это происходило в весьма своеобразной форме. Казалось, что немцы – это совершенно особый народ, чуждый тем приземленным интересам, которые отличали народы, проживавшие к западу от Рейна. У людей этой эпохи даже формировалось представление, согласно которому “духовная красота является особенностью немцев, подобно тому как чувственная красота была особенностью греков”... Представителям предшествующего поколения (*поколение второй четверти XIX века – С. Ч.*) казалось, что Германия в ментальном плане принципиально отлична от Англии и Франции с их установкой на материальные интересы. Но в середине XIX века все очевиднее становился тот факт, что немцев самих серьезно интересует материальный мир, причем они адаптируются в нем во многом успешнее, чем их западные соседи... Общество в целом продолжало жить романтическими идеями своего великого духовного прошлого. Некоторые исследователи даже отмечают, что в Германии буржуазия во многом воспринимала образ жизни аристократии... хотя, по сути дела, была более передовой общностью» [20, с. 420-424].

Гипертрофированный немецкий романтизм породил гипертрофированную немецкую романтическую философию. Ни одна европейская страна не явила такого количества блестящих образцов романтической философии. Ницшеанство и фашизм – последние, поздние цветы романтической мысли Германии.

Мы обнаруживаем в ницшеанстве и в фашизме все основные характеристики романтического духа. О ницшеанстве говорить здесь излишне – философски подготовленный читатель хорошо знаком с этой философией. Но те же самые характеристики романтического духа проявляются и в фашистской философии.

Фашизм идеализирует прошлое, архаическое; сакрализирует историческую почву, из которой произрастает национальная духовность; отторгает западную цивилизацию с ее либеральными, рациональными, прогрессистскими и капиталистическими ценностями и воспеваает человека, который в борьбе с этими ценностями сохранил естественную чистоту нации и национального духа; исповедует культ национальных героев и великих людей, противостоящих заразе прагматизма; являет волонтаристское отрицание реальности, которая должна быть преодолена и преобразована посредством великого национального порыва. И наконец, в фашизме мы обнаруживаем узнаваемые романтические нотки упоения трагическим, ибо бескомпромиссная борьба с мировым злом требует величайших жертв [16, с. 294-326].

Но ницшеанство и фашизм объединяет ещё одно обстоятельство. Они исповедовались преимущественно людьми одного и того же социального слоя. Социальный статус Фридриха Ницше не был до конца определен. Вернее, самого Фридриха Ницше не устраивал его определенный социальный статус. Будучи сыном священника и университетским профессором, он мнил себя подлинным аристократом. И его философия объясняла и показывала, как можно принадлежать к высшему социальному слою, не принадлежа ему по рождению [1, с. 265-278; 5; 9, с. 84-98; 12; 13; 17, с. 887-901]. (В семье Ницше сохранялась легенда о том, что их корни восходят к польским графам Ницким. Якобы во время Реформации граф Ницкий, порвав с католической церковью, был вынужден бежать в Германию. На протяжении всей жизни Ницше – сына пастора из «разночинцев» – согревала мысль о благородном происхождении его семьи: «Он был горд и твердо веровал в благородство своего рода. Часто Фридрих и его сестра Елизавета мечтательно слушали семейную легенду, которую им с охотой рассказывала бабушка. Отдаленные предки Ницше жили в Польше, имели графское достоинство и назывались Ницкие» [5, с. 13]. Однако никаких свидетельств польского происхождения семьи Ницше на сегодняшний день не имеется. Но для Ницше эта идея была крайне важна. Воспевая аристократический дух и аристократические ценности, он сам хотел чувствовать себя аристократом.)

Эта экзистенциальная проблема на рубеже веков оказалась актуальной для миллионов европейских интеллигентов. Все эти выходцы из низших и средних слоев ощущали себя призванными стать подлинными вершителями судеб общества. И чем хуже, чем неопределеннее был их реальный социальный статус, тем больше их одолевала амбициозные мечты. Революции XX века творились интеллигенцией. Интеллигенция аккумулировала и направляла недовольство масс, стремясь реализовать свои утопические проекты по созданию идеального общества. И естественно, что именно эти вожди-интеллигенты получали все лавры и все социальные дивиденды в случае успеха революции. Если мы проанализируем биографии профессиональных революционеров XX века, то обнаружим, что в подавляющем большинстве случаев они – представители мелкой и средней интеллигенции, не нашедшие в рамках старого общества признания и реализации. Не являются здесь исключением и вожди фашистских революций [6, с. 94-106; 15, с. 138-153].

Роднит ницшеанство и фашизм и то обстоятельство, что эти идеологии являются реализацией подавленной агрессии «массового» интеллигента.

В жизни Ницше был очень мягким и обаятельным человеком: «Часто своими поступками Ницше изумлял Ланцкого (*Друг и ученик Ницше – С. Ч.*). Этот отшельник за *table d'hote 'om* усвоил себе очень скрытную лукавую манеру, целое искусство для того, чтобы никого не обижать, но жить, не обнаруживая интимной тайны своей жизни. Однажды в воскресенье одна молодая девушка спросила его, был ли он у обедни в соборе. “Сегодня, – вежливо ответил он ей, – я там не был”. Ланцкого изумляла эта осторожная манера говорить, но Ницше объяснил ему, в чем дело. “Правда не всегда для всех хороша, – сказал он, – если бы я взволновал эту девушку, я был бы в отчаянии”» [5, с. 218].

«Он избегал разговоров, которые могли удивить и огорчить их (*соседей по пансиону – С. Ч.*), он хотел в их присутствии быть (и умел это делать) любезным собеседником, образованным, утонченным, сдержанным. Одна, очень хрупкого здоровья, англичанка, которую Ницше часто навещал и развлекал, сказала ему однажды: – Я знаю, *m-r* Ницше, что Вы *пишете*, я хотела бы прочесть ваши книги.

Он знал, что она горячо верующая католичка. – Нет, – отвечал он ей, – я не хочу, чтобы Вы читали мои книги. Если бы в то, что я там пишу, надо было верить, то такое бедное, страдающее существо, как Вы, не имело бы права на жизнь. Другая знакомая дама однажды сказала ему: – Я знаю, *m-r* Ницше, почему Вы нам не даете ваших книг. В одной из них Вы написали: “Если ты идешь к женщине, то не забудь взять с собой кнут”. – Дорогая моя, дорогой мой друг, – отвечал Ницше упавшим голосом, взяв в свои руки руки той, которая ему это говорила, – Вы заблуждаетесь, меня совсем не так надо понимать» [Там же, с. 234].

Но в своих текстах Ницше изливал свою бессознательную агрессию без всяких ограничений. Вся его философия – это один сплошной гимн торжествующей безграничной и беспринципной силе. И нет ничего удивительного в том, что именно в Ницше миллионы интеллигентов и интеллигентиков обрели своего пророка. Униженные и оскорбленные в повседневной жизни, они упивались радикализмом ницшеанства и грезили себя во главе когорты сокрушителей и повелителей мира.

Таким образом, связь ницшеанства и фашизма оказывается более глубокой, чем это пытаются представить защитники философии Ницше. Но это не повод к тому, чтобы предать эту философию забвению. Прошлое полезно знать. Кроме того, значение ницшеанской философии не исчерпывается ее влиянием и родством с фашизмом.

Безусловно, сочинения Ницше – это собрание ценнейших философских озарений и открытий, которые еще долго будут использоваться философами настоящего и будущего. Кроме того, если бы Ницше был всего лишь идеологом своего времени и своей культуры, то он не мог бы быть назван гениальным философом. В лице ницшеанской философии культура сделала серьезный шаг на пути своего освобождения от тотального господства монотеистической религии.

Ницше и ницшеанство – это классический случай диссидентства. Диссидентство – это всеобъемлющий отказ от господствующих общественных ценностей. Это попытка преодоления господствующей формы культуры и идеологии. Трагедия диссидентства состоит в том, что, как правило, диссидент не в состоянии радикально преодолеть отрицаемые им ценности. Являясь порождением отрицаемого им общества, он фактически воспроизводит все основные культурные схемы этого общества, но с иным знаком. Там, где общество ставит жирный плюс, диссидент рисует еще более жирный минус. То, что общество отрицает, диссидент восхваляет и поет осанну.

Ницше – классический диссидент христианской культуры. Он отрицает ее, но отрицает по-диссидентски, восхваляя то, что христианство порицает, и отрицает то, что оно утверждает. В этом отношении я не склонен сильно восхищаться Фридрихом Ницше, ибо вообще не приемлю какие-либо абсолютистские схемы. И тоталитаризм христианства, сменяемый тоталитаризмом ницшеанства, меня не воодушевляет. Христианство говорит мне, что я должен любить ближнего. Убегая от этого «должен», я вовсе не хочу попасть в объятия Ницше, который столь же авторитетно заявляет мне, что я должен подавить ближнего. Я взыскую свободы, а не сладкого рабства пророков, которые считают, что лучше меня знают, как мне жить и как мне мыслить.

Но творческая сила Ницше отчасти преодолела и его диссидентство. Бесконечно барахтаясь в христианском схематизме, сокрушая одних идолов и громоздя на их место другие, Ницше невольно привел в движение всю структуру господствующей культуры. Сам не желая того, он релятивизировал культурные абсолюты своего времени и реабилитировал очень важные вещи, отрицаемые тысячелетиями. В пылу борьбы с христианством Ницше реабилитирует такие ценности, как «жизнь», «борьба», «свобода» и т.д. Он провозглашает низвержение «вечных ценностей», отрицающих реальность и клеветующих на нее. Да, на место «вечных ценностей» он пытается водрузить свои «вечные ценности», но их «вечность» уже оказывается под сомнением – видя, как Ницше, философствуя молотом, сокрушает кумиров, легко последовать его примеру и сокрушить кумиров, сотворенных уже самим Ницше.

Именно в этом и заключается главное культурное значение этой философии. Христианская «революция» почти полностью уничтожила в европейской интеллектуальной сфере какие-либо альтернативы христианской антропологии и этике – полторы тысячи лет они господствовали безраздельно. Малейшие поползновения в сторону от христианской мысли буквально выжигались каленым железом. В Новое время идеологический диктат христианства стал расшатываться. Но выразилось это, прежде всего, в сфере научного познания природы. Мощнейшие новоевропейские умы, совершая революцию в естественных науках, сознательно не касались антропологии и этики, демонстративно оставляя эти проблемы в ведении церкви.

В XVIII-XIX вв. философы постепенно и осторожно начинают касаться и экзистенциальных проблем. Но делают они это довольно странно. Это время являет миру блестящую череду великих ниспровергателей традиционных истин. С важностью и помпой эти люди приступают к делу ниспровержения и сокрушения

и часто действительно создают достаточно причудливые философские онтологии. Но как только они с той же важностью и помпой приступают к проблемам антропологии и этики, случается полный конфуз. Философ полон решимости, читатель нервничает страшно, предвидя целую этическую революцию, но все заканчивается благополучно – масштабные ниспровержения и сокрушения завершаются тем, что «революционер» с торжеством и пафосом извлекает из своей ниспровергающей философии все ту же христианскую этику, в лучшем случае – ее светский аналог.

В этом отношении Ницше оказывается действительно значимой и действительно революционной фигурой. На фоне удручающей бесконечной череды «христианских» этиков Ницше смотрится блестяще – впервые философ отказывается играть в этой комедии «ниспровержения» и расстается с экзистенциальной христианской философией и христианской этикой, пытаясь предложить им полновесную альтернативу. (Слово «удручающей», безусловно, является оценочным. Но оценочность его отсылает не к антихристианской позиции, а к предпочтениям исследователя. Большинство биологов были бы удручены, столкнувшись на недавно открытом континенте или планете с тотальным господством одного биологического вида или рода. Так и историк философии: чем большее разнообразие идей и учений предстает перед ним, тем более радуется его душа.) Уже в XX веке таких альтернатив появится значительно больше. Эти альтернативы будут глубже и конструктивнее, чем философия Ницше. Но без Ницше они были бы невозможны. Именно благодаря Ницше философы XX века могли выстраивать свои системы на относительно свободном философском пространстве.

Список литературы

1. Антисери Д., Реале Дж. Западная философия от истоков до наших дней: в 4-х т. / пер. С. Мальцева. СПб.: Пневма, 2005. Т. 4. 880 с.
2. Бриггс Э., Клэвин П. Европа Нового и Новейшего времени: с 1879 года и до наших дней. М.: Весь мир, 2006. 586 с.
3. Великовский С. И. В поисках утраченного смысла: очерки литературы трагического гуманизма во Франции. М.: Художественная литература, 1979. 295 с.
4. Вихавайнен Т. Внутренний враг: борьба с мещанством как моральная миссия русской интеллигенции. СПб.: Издательский дом «Жоло», 2004. 416 с.
5. Галеви Д. Жизнь Фридриха Ницше. Рига: Спридитис, 1990. 275 с.
6. Грациози А. Война и революция в Европе: 1905-1956 / пер. с ит. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005. 288 с.
7. Дидерикс Г. А., Линдبلاد И. Т. От аграрного общества к государству всеобщего благосостояния. Модернизация Западной Европы с XV в. до 1980-х гг. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998. 432 с.
8. Дэвис Н. История Европы. М.: АСТ; Транзиткнига, 2004. 943 с.
9. Зотов А. Ф. Современная западная философия: учеб. пособие. М.: Проспект, 2010. 608 с.
10. Краус В. Нигилизм сегодня, или Долготерпение истории. Следы рая. Об идеалах. Эссе. М.: Радуга, 1994. 256 с.
11. Мак-Нил У. Восхождение Запада. Киев: Ника-Центр, 2013. 1058 с.
12. Ницше Ф. Воля к власти. М.: Культурная Революция, 2005. 880 с.
13. Ницше Ф. Сочинения: в 2-х т. М.: Мысль, 1990. Т. 1. 831 с.; Т. 2. 830 с.
14. Орбел Н. ECCE LIBER. Опыт ницшеанской апологии // Ницше Ф. Воля к власти. М.: Культурная Революция, 2005. С. 571-728.
15. Пайпс Р. Русская революция. М.: РОССПЭН, 1994. Часть первая. 398 с.
16. Пленков О. Ю. Триумф мифа над разумом (немецкая история и катастрофа 1933 года). СПб.: Владимир Даль, 2011. 608 с.
17. Рассел Б. История западной философии. Новосибирск: Изд-во Сиб. ун-та, 2003. 992 с.
18. Робин К. Реакционный дух. Консерватизм от Эдмунда Бёрка до Сары Пэйлин. М.: Изд-во Института Гайдара, 2013. 312 с.
19. Гарнас Р. История западного мышления. М.: КРОН-ПРЕСС, 1995. 448 с.
20. Травин Д. Европейская модернизация: в 2-х кн. М. – СПб.: АСТ; Terra Fantastica, 2004. 665 с.
21. Фест И. Гитлер: биография / пер. с нем. Пермь: Культурный центр «Алетейа», 1993. Т. 1. 368 с.; Т. 2. 480 с.
22. Цвейг С. Статьи. Эссе. Вчерашний мир. Воспоминания европейца. М.: Радуга, 1987. 448 с.
23. Чухлеб С. Н. Ницше и XIX век // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 8 (58). Ч. III. С. 204-210.
24. Шекспир У. Гамлет, принц датский [Электронный ресурс] / пер. с англ. Б. Пастернака. URL: <http://www.electroniclibrary21.ru/literature/shakespeare/13.shtml> (дата обращения: 14.03.2016).
25. Ширер У. Взлет и падение Третьего рейха: в 2-х т. / пер. с англ. М.: Воениздат, 1991. Т. 1. 653 с.

NIETZSCHE AND THE XX CENTURY

Chukhleb Sergei Nikitovich, Ph. D. in Philosophy
Gnessin Russian Academy of Music
chuhlebsn@mail.ru

In the article the analysis of the personality and creativity of F. Nietzsche against the background of the cultural and social processes of the XX century is given. Connection between Nietzscheanism and fascism is considered in the context of their common romantic origins. The author shows that both Nietzscheanism and National Socialism are radical versions of German romanticism and traces the general influence of Nietzscheanism on the philosophy of the XX century and its contribution to the destruction of absolutist cultural and philosophical plans. In the paper Nietzschean absolutism is presented as a paradoxical prerequisite for the relativism of the XX century.

Key words and phrases: Nietzscheanism; culture; romanticism; philosophy; ethics; existential philosophy; Christianity; absolutism; aristocracy; fascism; national socialism; intelligentsia; modernization; philosophical relativism.